

КРЕСТ

12+

Так назвал свою рукопись Владимир.
В конце была надпись;
“Жаль я не выполнил задание
с которым пришел на Землю”

В.В. ЧИИН

О.НУРПЕИСОВ

ДОРОГА СУДЬБЫ

**Омуртай Нурпеисов
Владимир Чиин
Крест. Дорога Судьбы**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56574275

SelfPub; 2020

Аннотация

Книга написана по рукописи Владимира Чиина. Как создавалась наша Солнечная система

Информация рукописи Чиина Владимира Вениаминовича, меня заинтересовало в поле многочисленных эзотерических противоречий. Что подтолкнуло меня опубликовать рукопись, так это пометка автора в конце; – “Жаль я не выполнил задание, с которым пришел на Землю”.

Бог – в вас самих,

Бог – в теле вашем,

Бог – в крови вашей,

Бог – в сердце вашем,

Бог – в вашем сознании,

Бог – я сам в проявленном состоянии,

В Его лучах, Он со мной,

Я сотворен руками Его,

Я живу в Нем, Он всегда во мне,

Во сне я отдыхаю в Нем.

Это говорил человек на Марсе, отец церкви, примерно в 60-летнем возрасте. Мне тогда было не более 10 лет. Я многое узнал от него. . . . (Описание жизни на Марсе будут по тексту ниже)

Особо хочу заметить читателю, что я не исправлял ошибки и не правил литературную речь. Что бы сохранить бытовой говор и самобытность автора рукописи. Не работал с укладом речи и прочими ошибками литературного языка.

Верить или нет этой информации. Каждый решит сам. Одно ясно – Истину мы познаем, только после нашего перехода

в мир иной.

Предисловие...

Эту рукопись оставил после своей трагической смерти Чиин Владимир Вениаминович, 1949 года рождения. Родился в городе Якутске. Учился в 3 школе поселка Залог.

В последние дни перед смертью, как бы предчувствуя ее, он приходил с работы и сразу начинал писать рукопись. Как говорил он родным: "Я подвел своих Учителей, не выполнил то задание, с которым пришел на Землю"

Владимир ничем не отличался от своих сверстников. Любил охоту и рыбалку. В 1990 году, после перенесенного простудного заболевания, открылся канал связи со своими Кураторами. Получал информацию через сны. Жизнь Владимира Вениаминовича резко изменилась. Стал посещать церковь. Раздал рыболовные и охотничьи снаряжения, стал вести замкнутый образ жизни.

Однажды во сне Владимир увидел, как присутствует на похоронах своего друга детства Коли Корнилова. Возвращаясь с работы, подходил к дому, но никак не решался сказать ему об этом. Да и понять Николай может неадекватно. Если сон не сбудется, то останется обида. А через девять дней Николай разбился в лобовом столкновении с автомашиной "Камаз".

В другом сне увидел сына своего товарища в горящем вертолете (это произошло в 1990г.) Он идет в аэропорт и предупреждает руководство о трагедии, которая случится в те-

чение недели. Там выслушали и попросили покинуть кабинет. Как и предсказал Владимир, по истечении девяти дней вертолет разбился и сгорел. В огне погиб сын его товарища, которого он так же предупреждал, чтобы сын воздержался от полетов. Это были девяностые тяжелые года, шло массовое сокращение работников Аэропорта.

В повседневной жизни снимал головную боль, чистил дома и квартиры от нечисти. Но чистил только своим друзьям и родственникам, стараясь не афишировать свои способности. Это происходило в период, когда экстрасенсы в стране рождались, как грибы после дождя.

Работал крановщиком в фирме "Кран сервис". Построил много квартир в Якутске. Перегоняя кран на другой объект – загорелась кабина. Стараясь потушить пожар самостоятельно, получил ожоги и обширный инфаркт несовместимый с жизнью. Скончался в машине скорой помощи в 2006 году.

Книга не претендует на исключительную истину. Истина многогранна и у каждого своя. Автор не обладал художественным талантом и описывал своими словами то, что ему открывали его Кураторы во сне.

Владимир пытался донести до нас все увиденное – схемы пульсирующей Галактики и положения в нем планет нашей Солнечной системы. Рисунки жителей Высокоразвитых цивилизаций, подробное описание своих воплощений на Земле. В книге открываются знания о периоде создания первых планет нашей Солнечной системы. Впервые сообщается о

том, что наше Солнце не настоящее, а искусственное.

ИНКАРНАЦИЯ.

Память моего сознания несет информацию о воплощениях в физических формах человека. Четыре воплощения на планете Земля и первое на Марсе. (О котором расскажу позже).

Второе мое воплощение на этой планете – каменный век. Я тогда жил в племени Бэна. Первый вождь привел наше племя от моря и обжил одну из пещер высоко в горах. Пещера была вымыта водой во время всемирного потопа. Мы его называли плато. Вымыто было много пещер, а обжились в одной. Вечерами, сидя у костра в пещере, Бэн часто рассказывал про огонь.

Раньше пещерные люди ели мясо убитых животных в сыром виде. Мы часто просили рассказать про Божий огонь. И Бэн охотно рассказывал нам. Как-то раз, они охотились с соплеменниками. И вот, на перевале (название его я забыл) прилетел круглый огонь и сел на землю. Из него вышли два маленьких человечка, ходили они, не касаясь земли. С очень большой головой, непропорционально туловищу, особенно в затылочной части. С очень тонкой шеей и тонкими руками с четырьмя пальцами. Они сразу обратились к Бэну (знали, как его зовут и речь знали). Бэн рассказывал, тело его стало чужим, что он только слышал, а сделать ничего не мог.

рис. Нурпеисова О.С.

В чем была суть? Они привезли огонь Божий – воронка, а из нее вылетал огонь, как из бензореза. Так вот, они сказали, чтобы пользовались огнем и жарили на костре мясо. Разожгли костер, огонь воткнули в трещину камня, предупредили о пожаре. Сели в круглый огонь и улетели. После этого онемение тела прошло. В нашем племени появился огонь.

Позже, к Бэну пришли они же и передали, чтобы огонь зажгли и в соседнем враждующем племени Кунов. Бэн выполнил волю Богов. Вскоре божий огонь исчез, никто его больше не видел, а ведь был на видном месте у всех на глазах.

Мы стали поддерживать огонь, не давая ему погаснуть.

Так вот, историки ошибаются, что человек научился пользоваться огнем – его научили Боги. Племя Бэнов – это, явный пример этому. И долгое время, когда человек был беспомощен против дикой природы, Боги помогали племенам (я тому свидетель).

Когда я вырос, тоже стал носить копье с каменным накопником. И была у меня дубина. После Бэна (его убили) было еще четыре вождя, все были убиты в разборках с Кунами за территорию охоты и за право быть вождем. Надо было оспаривать это право со своими соплеменниками.

Я был пятым вождем и повел не агрессивную, а миролюбивую политику. Заступался за слабых и детей. Ходил в другое племя Кунов приносил еду подросткам, они голодали, защищал женщин – они были бесправны и полностью зависели от мужчин. Принимал роды у своих женщин и у женщин в племени Кунов.

Бэны были русоволосые и светлоглазые, и я русый был. А племя Кунов было черноволосо, с большими круглыми глазами. Местность вроде гор Карпаты или Альпы, а может, я ошибаюсь. Но не будем уточнять. Так вот Бог приходил и на ухо говорил: “Иди – спаси – сохрани”. И я шел, помогал, спасал, выручал, лечил.

Приходилось драться дубиной, и когда побеждал, не убивал своих соплеменников, да и с другого племени тоже, не добивал поверженного, а всегда оставлял право выбора –

со мной или нет. Нажил, таким образом, друзей и врагов. Сколько раз хотели меня убить – Бог спасал мое тело.

Вскоре еще объявились враги. Пришло еще племя, я их называл пернатые – в волосы воткнуты птичьи перья. Начали воровать женщин нашего племени. Мои соплеменники, конечно, отбили женщин. Пернатым, разумеется, досталось. Ночью пришел ко мне Бог и говорит: “Иди к ним и помоги, человек умирает”. И пошел, куда денешься, попробуй не пойди. Пещера была через перевал – другая гора.

Подхожу, а они меня чуть не убили своими копьями, я был без копья.

Ну, привели они меня к своему вождю, сели возле костра. Вождь мне и говорит: “Ваше племя его побил. Если он умрет, и ты умрешь”. Поставили мне охрану. Уж сколько ночей провел с ними, не помню. Кости сложил, суставы и диски. Зажег все чакры. Долго не мог зажечь ауру на голове, а без ауры он в сознание не входит. Да еще Бог пугает: “Он умрет, и ты умрешь”. Не помню, на какие сутки, но утро было. Я уловил луч света над головой. Своей рукой держу его голову, и вы знаете, аура появилась. Слабая, но была.

Какое-то время я жил вместе с ними. А позже он говорил с вождем. Я тогда не знал, что это был его сын. Мы долго сидели возле костра. Вокруг были только мужчины этого племени. И тогда вождь поведал мне то, что случилось. Их племя жило далеко в другой пещере.

Днем все мужчины были на охоте, добывали животных. И

вот земля зашевелилась, камни полетели, и был гул. Когда вернулись к своей пещере, то нашли одни развалины. Все женщины и дети были под завалами камней. Без женщин племя погибнет. Мужчины постареют, и некому будет добывать животных. У мужчин не может быть детей. Мы должны были спасти племя, добыть женщин или умереть.

Я вошел в их положение и пообещал привести женщин из своего племени. С этой целью я пошел в свое племя и рассуждал так – если не привести им женщин, будет опять война, и будут жертвы, кормильцы мужчины и с этой, и с другой стороны. Мне этого не надо было.

Моя цель была сохранить и объединить все три племени – это, была воля Бога. Когда я пришел в свое племя, то там выбрали другого вождя, они думали, что я погиб и меня съели тигры. В горах они нашли кости человека, и все подумали, что это мои кости.

Впоследствии я вычислил, чьи это были кости. Это человек из моего племени убил человека из племени Кунов. Бог надумил меня отправить этого человека в племя Кунов, чтобы он заменил убитого, у которого осталась жена и сын пяти лет. Бог сказал, чтоб искупил свою вину. Но видимо, он попал в логово тигра.

И снова мне пришлось опять отстаивать свои права с дубинкой в руке. Утром я повел тех женщин, что жили без мужчин в племя Пернатых, а это где-то десять женщин. Я думал так, что нашему племени больше достанется мяса. А

этих женщин будут кормить другие мужчины.

Ведь они нужны им. Эта акция спасла тогда многих мужчин от смерти. А женщина – что женщина? Она должна рожать детей, а иначе не женщина, а пустоцвет. После этого помню первые роды в племени Пернатых. Родился мальчик и я носил ему молоко. Была у нас корова, которую поймали живьем и приручили.

Кошки и собаки были тогда дикие. В ямы-ловушки попадали коровы дикие. Вскоре умер вождь племени Пернатых и меня выбрали вождем. До этого у Кунов тоже умер вождь. И мне пришлось разбираться с его сыновьями от разных женщин. Бог помогал мне.

Водил всех вместе. Сначала еду делил пополам с Кунами. А потом делил на три племени. Самое хорошее мясо отдавал то Кунам, то Пернатым. У Кунов много детей, а у Пернатых – женщины наши. Этим нажил врагов своего племени. Что бы было, если б не Бог.

Лечил в основном травами. И еще есть такая смола. Я называл ее слезы гор. Сейчас этот материал называется мумие. Гора выдавливает этот материал. В руки нельзя брать (я тогда думал так). От разных болезней лечит. Поил пациентов и прикладывал к больному органу. Правда, один умер пациент. Язва желудка была кровоточила.

А другие выжили. Я мумие разогревал на камне и клал на шкуру, а шкуру с мумие – на больной орган – на желудок.

Через сутки снимал шкуру с мумие и в огонь – сжигал все негативное, это черви. Язва – это, астральный свищ, рак – это, астральная дыра. Будет чистый астрал, будет здоровый человек.

Вскоре пропало несколько человек из нашего племени. А когда объявились, то рассказали, что сошли в долину и что там, много рыбы в реке и много животных. А самое главное – много земли и можно посадить растительность. Стоял вопрос – сходить с гор в низины. Я поддержал это.

Но было это ближе к осени и холодно было. Женщины с грудными детьми, да и я сам понимал, что это равносильно гибели. Я настоял, что пойдём весной и все три племени вместе. Вопрос стоял, как нести огонь. Но я не дожил до этого часа. Зимой коровы уходят в долины, а в горах остаются горные бараны и козлы. А они высоко в горах. Ходили и булыжниками сбивали их.

И вот принесли мне соплеменника, сорвался с горы. Горы в это время обледенелые. Молодой мужчина, и женщина у него была, и дитя. Я тогда уже имел белый волос, годы я не считал. Начал его оживлять. Собрал кости и ключицу. Позвоночник правил. Зажег все чакры. А Ауру не могу восстановить. Бог говорит: “Спасешь себя – душу свою погубишь”.

Богу, видимо, виднее. Я снял свою шапку – невидимку и отдал ему. Сам я умирал, а он остался жить. Перед смертью я просил, чтобы выбрали одного вождя для всех трех племен. Мое тело завернули в шкуры и унесли в гору к леднику. А

там заложили камнями. Я все видел, летал ангелом. И ушел на Луну в свою обитель, где был суд надо мной.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ

В следующем воплощении меня отправили в Среднюю Азию, в одну из мусульманских стран. Помню себя в корзине. Мама приходила, кормила грудью и уходила. А я долгое время лежал и смотрел на стрекозу и бабочек. И однажды у нее кончилось молоко, и я орал, и не мог спать.

Потом помню чужую женщину, которая кормила меня какое-то время. У нее было широкое лицо, плоский нос, узкие глаза и много косичек, а у моей мамы было узкое лицо с прямым носом и круглые черные глаза, и одна длинная коса. Худая высокая женщина. Позже я стал вылезать из корзины, и она стала брать меня в поле. Я болтался у нее на спине, а она все кланялась и кланялась – рвала траву, видимо рис, по колено в воде. Когда я уже стал бегать, в одну из ночей мы с ней тайком ушли, я держался за подол. Несколько раз мать отгоняла шакалов.

Вскоре мы пришли, в какой-то каменный город и долго странствовали, перебиваясь поборами, подворовывали, в основном на рынке фрукты и овощи.

Спали вместе со скотиной в сене, когда хозяина не было. В одну из ночей мама проснулась и с кем-то разговаривала. И мы этой же ночью, несмотря на мое нежелание, ушли из города. Путь был длинный и утомительный. Жара, воды нет, еды тоже. Как я дошел не помню, только все боялся, мать

потерять. В конце показались горы с белыми вершинами.

Мама говорила, что там наш дом, и есть бабушка. Пришли, помню, почти ночью. Совсем обезножил. За долгое время первый раз наелся и уснул. Бабушка научила меня пасти баранов и сшила мне

рубаху. А вскоре она умерла. Мои ровесники пошли в школу, а меня из школы выгнали. У мамы не было денег.

Мама пошла, работать к хану и с работы приносила кринку молока и лепешку. А потом она заболела и не стала вставать с постели. В одну из ночей я сильно замерз, а утром толкал мать, она не двигалась. Я закрыл ей глаза и ушел из хижины. Я взял котелок, кремень, баранью бурку, клинок и посох, что гоняют баранов.

Нурпеисов О.С. холст, масло. Азия

И ушел в горы с баранами, и уже в загоне спал вместе с баранами. Потом пришли двое мужчин и взяли каждый по барану. Мы твою мать захоронили.

Так я и не узнал, в каком месте захоронение, был мал еще. В горах я познакомился с мальчиком ровесником, он тоже пас баранов. Сдружился с ним, звали его Аскар. Он часто подкармливал меня лепешками. В основном я варил корешки трав. И то, что насобираю отходы от овощей. В основном ел цветы, почки, мак, дикие яблоки. Все что елось.

А с Аскаром часто играли в сабельки. Стремилась стать джигитами. От Аскара я узнавал все новости в поселке. Отец Аскара был приближенный к Хану.

Со временем, рубашка моя стала мала, и я бегал, пугая всех женщин, что ходили в парандже. Я подворовывал, кушать хотел. Все проклинали меня, звали меня шайтаном. Зиму перезимовал в горах, воевал по ночам с волками. Было у меня грозное оружие – клинок и огненные стрелы. На концах стрелы наматывал материю и обмазывал горючим, что брал возле мечети. Чтобы сохранить баранов обсыпал их пеплом, чтобы волки не унюхали – знаете, помогает.

Где-то весной стригли баранов и моих постригли. Получил деньги, на рынке купил костюм, чалму, туфли и стал настоящим мусульманином. Вскоре сделали с Аскаром обряд обрезания. И по определенным дням стали ходить к стадио-

ну, где проходили скачки. Стали заниматься военным искусством, владеть холодным

оружием и сидеть в седле. Это было угодно хану. Занятия проводил сотник Нурбек. Помню, кто-то из ровесников сказал, чтобы я шел в совет старейшин и получил деньги как молодой воин. И я стал получать у казначея старика монеты, они решили за меня мою проблему. Были старики за, а были и против, чтобы я был на службе у Хана.

Если шайтан будет соблюдать наши обычаи, обряды и нашу религию, то книга Коран не препятствует этому. И я жил по их обычаям и законам, и должен построить хижину. Я брал мула и арбу, и возил камни, глину, а потом и жерди на крышу. Дверь закрывалась шкурой. По центру отверстие для дымоотвода. В 14-15 лет хижина была готова. Сделал нары. По стене я привязывал лекарственные травы и знал их применение. К тому времени я почти весь оброс бородой. А Аскар был без волос и все смеялся надо мной – совсем шайтаном стал.

И вот пришло время, когда Нурбек вывел нас возле крепости и стал проверять, кто как дерется. Сабля была деревянная и щит. Нурбеку

тогда было лет 30. Разумеется, он по очереди победил одного, потом другого. Передо мной дрался Аскар и тоже проиграл. Я был последний и понял все ошибки ребят, хотелось отомстить за Аскара. То, что он проделывал с ребятами, со мной не прошло. Нурбек пропустил мой удар по голове и

упал. Ребята захохотали. Нурбек встал и схватился за ручку кинжала, а я убежал.

Позже мне пришлось познакомиться и с ханом. По ложному доносу меня взяли стражники, связали руки, увели в крепость и толкнули к хану. Думали, что я упаду, все перед ханом падали, а я встал и стою. Разглядываю эту черную пантеру в клетке.

Хан сидел в кресле, в золотой чалме с пером. В золотом халате, пальцы все в перстнях, золотых камнях. Он задал вопрос. В моем табуне не досчитались одной лошади. Не моя ли это работа. Я молчал. Я знал, что это Нурбек мне мстит за то, что проиграл в учебном сражении.

Возле камина стоял Нурбек. Он сзади подошел к Хану и что-то стал шептать ему на ухо. Хан расхохотался и выгнал меня, стражники меня развязали, и я убежал. После этого мы все приняли присягу на верность Аллаху, а значит и хану. Стояли на коленях, Мулла читал книгу Коран. По их обычаю я должен был купить себе саблю и щит. И я купил себе саблю и меч из дамасской стали. Это дорого мне стоило. А лошадь моя уже была закреплена за мной и ходила в ханском табуне. По звуку длинной трубы (название ее забыл) я должен явиться со всем своим оружием в крепость и встать под зеленое знамя Аллаха, а значит и Хана.

Меня записали в другой отряд, но в сотню Нурбека. Аскар ходил в другом отряде. Вечная война мусульман с христианами. Я тогда с гордостью ходил с саблей и носил щит

за спиной. Где-то в это время Аскар проболтался, слышал от своего отца, что Нурбек хочет сделать из Шайтана сотника. Но я не оправдал его надежды и отказался.

По законам и обычаям того времени по совету старейшин, женили Аскара и меня. Ко мне пришли из совета старейшин старики и предложили купить себе женщину, и за это отдать половину своих баранов. Я согласился.

Женщина была перед мужчиной как вещь и не имела права сидеть рядом с мужчиной, и права голоса. Когда я пас баранов, ко мне пришел ее отец. Сосчитал баранов и забрал самых больших и жирных, и вожака козла. Остался я с молодняком. Оставалось только ждать, когда какая ни будь молодая овцематка, разродится. И я затянул ремень пояса надолго.

Я уже начал сожалеть, что согласился купить женщину себе. На свадьбе с моей стороны не было никого, кроме Аскара. А с ее стороны был весь стол. Застолье, разумеется, происходило на земле, на ковре. Когда я привел ее в свою хижину и зажег камин, она скинула с головы свой убор, и я увидел девушку лет 14-15. Звали ее Гульнара. Она окончила школу. Больше всего она взяла знания от своей мамы. Кроме родного арабского языка, она знала и читала на русском языке, знала латынь.

Ее мама из богатой семьи и училась в большом городе большой страны России. Где правил Царь. Там были русские девочки. После учебы приехала к отцу. Ее отец хотел отдать

ее за старого бая пятой женой. Отцу нужны были деньги. Ночью мама Гульнары украла лошадь и с бедным родным отцом Гульнары ускакали далеко в этот поселок. Здесь и обжились.

Гульнара научила меня письменности, читать и считать. Она даже хотела научить меня писать по-русски, но я никак не мог писать с лева направо и не захотел познать. Она рассказывала про страну Россию и ее обычаи. Про Царя и Церковь. И про повествование Иисуса Христа. У нее была книжка Новый завет. И она охотно переводила события того времени на арабский язык. И это надо было держать в тайне по многим причинам.

Гульнара спала в женской половине, огороженной материей. И была изумительной хозяйкой и портнихой. Шила куколки и коврики из шерсти баранов. Все это продавалось. А на мне лежали бараны. Носил хворост и воду. В мои обязанности входило ходить на пограничные тропы, что вели от крепости к сторожевой башне на перевале. Их было четыре.

Если перевести с арабского языка, то смысл можно было понять так. Верхняя тропа – тропа падающего орла. Вторая тропа – хвост змеи – петляла между валунов. Третья тропа – тропа мертвого шакала. И самая нижняя, вдоль речки – тропа падающий камень. Имел откос к речке. Всю жизнь не расскажешь, только хорошие воспоминания. Гульнара ходила в парандже. Также, носила кинжал – подарок матери. Была очень образованная по тем временам женщина.

Ни разу я ее не ударил и не обидел. А ее не раз обижа-

ли сельчане. Дразнили ее женщиной шайтана. Подарила она мне двух девочек погодок. Девочки росли с большими круглыми глазками, правда, кожа была смугловатой. Вскоре она отказалась ходить на рынок, и

это была уже моя обязанность. Ходил в мечеть. Мечеть была большая, каменная. У входа золотого идола в виде льва с крыльями охраняли Нукера. Вокруг факелы. Сначала все сидят и рассказывают новости в поселке. Приходит мулла, все садятся и молятся при чтении Корана.

Когда есть трофеи – несут идолу, оголяя сабли и молятся. А трофеи – это, срубленная голова неверного (христианина). Вскоре я перестал ходить в мечеть. В это время участились случаи гибели отрядных. Ночью приходили неверные (христиане) и убивали. Я тогда задумался, что кто-то свой наводил неверных. Труп находился около дверей хижины. Ведь кто-то его вызвал из хижины. Кто он? Спал я часто одетый. В изголовье оголенная сабля. И это долгое время.

Однажды привезли на лошади завернутый труп. Я ходил в хижину убитого и рассматривал его. Сабельный удар пришелся по затылку. Как это могло произойти? У себя в хижине я доработал правильную версию случившегося. Я знал с детства эти тропы. А на этих тропах есть валуны и неверному легко залечь, и сзади неожиданно нанести смертельный удар.

Опасаясь за жизнь Аскара, я в условленном месте дождался отрядного Аскара и весь отряд. Я напросился идти с ними

и именно последним. Аскар поперечил, сам хотел идти. Но отрядный, улыбаясь, сказал, – пусть идет Шайтан, духи нам помогут. Я знал, что кто-то оповещал неверных и знал, по какой тропе мы пойдем.

Я закрыл грудную клетку щитом, чтобы не поймать стрелу неверного. Оголил саблю ближе к голове, чтобы закрыться от удара. В месте, где были валуны, я шел почти задом. Уши наострил. Я знал, что он прыгнет с камня и не ошибся. Доля секунды отделяла меня от смерти.

Я закрылся щитом от нанесенного удара, а неверный долго разглядывал меня, видимо, ждал, когда я упаду. А потом дошло,

что я невредим. Налетел на меня, а я с легкостью откидывал его удары и закручивал так, что его же сабля летела ему под ногу. Он явно запаздывал. Я выбил саблю из его рук, а левой рукой со щитом откинул его на каменную насыпь. Неверный был повержен и греб локтями гальку. Он был в густой черной бороде, черные круглые глаза, прямой нос. На голове черный платок и ободок вокруг головы. Он все закрывал рукой свою голову, чтобы парировать удар. Как будто рука поможет. В это время мне на ухо говорил Бог Он такой же, как и ты”. Я смотрел и согласился с Богом. Я такой же, уж очень похож. Такие же густые брови, острый прямой нос.

Неверный (христианин) понял мою заминку, развернулся и на четырех костях вскарабкался на камень. И смотрит на меня, а я на него. И скрылся за камнем. Я взял его саблю

и щит, и пошел догонять Аскара. Услышал сабельные удары, забеспокоился за него. Вскоре он прибежал ко мне на встречу. Увидев его, я прочитал улыбку на его лице. Аскар тоже победил неверного. Я подошел к трупам – он лежал вниз головой, с него текла темная жидкость.

Вскоре мы догнали отряд и благополучно дошли до сторожевой башни. После уже отрядный, мне передал очень большие деньги. Это за неверного и за трофей. Разумеется, саблю и щит отдали сотнику Нурбеку. Хан очень щедро одаривал победителей.

Все думали, что я действительно убил неверного. Так было лучше для меня, а иначе... Я тогда не знал, что судьба сведет меня с этим человеком. Я ходил в своем отряде и старался избегать встречи с неверными.

Однажды во сне я посмотрел свою смерть и смерть отрядного, и впоследствии всего отряда. Стрела попала мне в правое предплечье, а я правша, а отрядный получил стрелу в горло. После нас добились неверные. Во сне я все видел и знал, где это случится.

Тропа (Дохлаго шакала). Нас поджидали в неудобном месте. Нас пропустили, а спереди и сзади – засада.

Всегда у неверных преимущество в лучниках с трехгранными наконечниками. Мне пришлось тогда долго думать, когда пас в горах баранов. Не ходить я не мог, значит, столкновение неизбежно. Тропы я хорошо знал и придумал. В од-

ном месте спустить лошадь и самим спуститься на самую нижнюю тропу (Падающий камень).

Я специально пошел за отрядным вторым. В назначенном месте остановил его и откровенно рассказал, что нас ждет засада, и мы все будем убиты. Он был раздосадован. Мы все сделали так, как я планировал, и ушли от гибели. Я шел первым. Позже, к сторожевой башне я повел отряд по тропе (Дохлого шакала). Я все воспроизвел в своем сознании, и мы благополучно дошли до крепости. Впоследствии я водил отряд по тропам, я был негласный отрядный.

Отрядный, брал лошадь, записку от сотника и продукты для воинов в башне. Я знал, что кто-то продает. Я своим сознанием чувствовал этого человека. И водил его за нос. Отрядный часто ходил в мечеть, разумеется, там общался с людьми. А отряд водил я, и все было по моему плану. Перед походом отрядный часто падал в молитвах и просил у Аллаха помощи. Полная депрессия, никто не хотел умирать.

У всех перед выходом была сдавленность, мысль, что сегодня меня не станет. Но надо было пройти этот барьер. А после похода радостные лица светились – еще поживем. Сколько раз меня спасал Бог, говоря на ухо. А я спасал отряд, да и неверных тоже.

Потом я видел сон, как подошел к нарам в хижине и увидел лежащего человека, я узнал в нем Аскара. На голове глубокий сабельный шрам. Наутро я встал сам не свой – что де-

лать? Аскар не поверит. В то время он был уже официальный отрядный и получал щедро от хана. Я знал, что после этого сна через девять дней сон сбудется.

Перед тем, как Аскару назавтра идти к сторожевой башне, я подошел к нему. Я сразу ему выложил ему свой сон. Что бы сегодня он не ходил в поход, а то он погибнет. Я просил и умолял, как только мог. Лицо его изменилось. Он взял свою саблю, вынул ее, встал на колени и прочитал на лезвии сабли – Будь достоин этого оружия. Прочитав, упал на колени и стал молиться. В бессилии, что делать, я вышел. Но тогда я не знал, что женщина Аскара все слышала. Она была в женской половине, и происходящее поняла по-своему.

Как я и предполагал, Аскар нарвался на засаду. Неверные всегда рассчитывали на внезапность. Надолго в бой не ввязывались и незаметно уходили.

Я издалека заметил лошадь у хижины Аскара и все понял. Как и во сне, он лежал на топчане, на голове рана. Женщина Аскара вышла из своей половины, и давай меня проклинять. Я не выдержал и убежал. Я не мог спать в те дни. Да еще во сне Аскар ко мне приходил мертвый с разрубленной головой. Стоит и молчит.

Я потерял аппетит, желание к жизни. Полная психическая депрессия. Это продолжалось долгое время. И как-то раз ночью, под вой волков я выхватил саблю и хотел упасть на нее, чтобы свести счеты с жизнью. А на ухо мне говорит Бог: “А как же дети твои? На кого оставишь?” Мне было дурно. Я

долго лежал в хижине.

После этих тяжелых критических депрессий я вспомнил свое прошлое воплощение. Где я был вождем и свел три племени. Потом я прозрел и одел крест. Саблю больше не носил. Мир я видел другими глазами. Я ходил и лечил. Лечил хижины от негатива. Часто даже по ночам приходили женщины, прося о помощи. Болели дети и я шел. Огнем чистил хату. Тело больных лечил голыми руками. В основном это дети сироты. Меня всегда усаживали к чаю. Я охотно садился, пил зеленый чай, а лепешки не

трогал. Я слышал мысли детей – (все лепешки съест). Женщины тянули детей, как могли, мужчин часто убивали, а другого достатка не было.

Я читал мысли у человека за пять метров. В отряд я больше не ходил. Отговаривался, что болею. В то время я уже вычислил, кто все время продает план передвижения отряда по тропам неверным. На это у этого человека были мотивы. Его я знал с детства. Он советовал мне, как строить хижину. С какой стороны лучше ставить двери. Я звал этого человека дед Садык.

Судьба его проста. Был бедняк, имел клочок земли, поздно купил женщину. По молодости был ранен в боях и повредил ногу. Сколько помню его, всегда хромал. Женщина родила ему единственную дочь. Он был рад ее появлению. Она дожила до 13-ти лет.

В день рождения хана, стражники пришли к Садыку и

забрали дочь, чтобы она повеселила хана. Хан изнасиловал девчонку и на утро стражники вытолкнули ее за ворота крепости. От позора она убежала к речке, не могла больше жить. И с высокого камня бросилась в воду в парандже и утонула. Я видел ее, когда вытаскивали. Течение прибило тело девушки к берегу на перекате. Я тогда подумал, зачем купаться вздумала в парандже? Деду Садыку было где-то 79 лет. Садык схоронил дочь, а вскоре и свою женщину. И остался один на этом свете. И тогда я уже понимал, что дед Садык мстит за свою дочь.

В то время участились нападения неверных. И выбирали самых сильных и опытных воинов. Ночью раз пришел ко мне Бог и говорит: “Труба загудит – иди к крепости”. И я пошел. Уже все кричали: “Смерть предводителю неверных”. Один сотник выступал в патриотическом тоне. Другой сотник тоже. Я с трудом протиснулся сквозь толпу и ждал, когда он договорит.

Когда он слез, я залез на постамент и видел всех. Головы все с аурой. Точно я вам не переведу с арабского языка, что я говорил на площади, а смысл заключался в следующем – не надо больше войны. Не надо мести. Мертвых не вернуть. Не надо ходить в эту мечеть и молиться этому идолу. Бог живет в небе, и я рукой показывал вверх. Бог приходит ко мне и говорит на ухо. Мы люди – творения Его. Надо не убивать себе подобного человека.

Бог высоко в небе и все видит, и все знает про каждого.

Бог накажет. Я видел, что меня не понимают, все крутят головами и смотрят в недоумении. Меня просто стащили сверху. На мое место вскочил Нурбек. Я оказался за спинами, которые зажали и не давали мне пройти. Меня затерли люди хана. Нурбек, помню, долго говорил, он был хорошим оратором. После его речи над головами взлетели оголенные сабли – “смерть неверным, смерть Артуру” кричали в толпе. А я был беспомощен и ушел, не находя себе места.

Помню, при случае, я рассказывал про Бога нашей бедности простыми понятиями, и они охотно слушали меня. Раз ночью, помню, к моим дверям подъехали лошади. Двое из нашего поселка внесли человека в материи. Он был жив. Я, разумеется, знал его, как звать, просто забыл в этой жизни. Название поселка и речки, название крепости, название праздников, вспомнить не могу, а события помню, остались в памяти.

Он был молод, лет 18. Стрела попала ему сзади под левую лопатку и при падении обломилась. Я его положил на топчан, животом вниз. Зажег очаг и поставил чашу на костер, готовить отвар. Двое, что принесли раненного, все время его успокаивали: “Шайтан поможет, все будет хорошо”. А я тогда сомневался. Первый случай со мной такой с глубокой раной. Когда отвар был готов, я дал ему испить. Я попросил двоих подержать парня, а сам зубами стал вытягивать стрелу. Примерно на 10 см трезубый наконечник вошел в тело. Она медленно пошла, но все разорвало внутри. Я приложил

тряпицу с пеплом (метал огонь) и обмотал его грудью.

Парень дернулся и перестал дышать. Руки его ослабли. Все было понятно. Мужики вздохнули и молча вышли. А я усердно стал работать.

Я насквозь видел его тело, и сердце, и почки, и легкие, и сосуды. Самое главное – зажечь муладхару – копчик. Голыми руками водил вдоль позвоночника, вгонял энергию в копчик. А когда она загорелась, от копчика гнал энергию дальше. И зажег свадхистану – чакру и манипуру – чакру. А потом нахату – чакру. Сердце сразу начало дергаться. Потом витшудху раскачал, появилось дыхание.

Я все работал – качал аджну – чакру ладошкой от затылка ко лбу. Увидел легкую ауру, значит, будет жить. На это ушла вся ночь. После шестичасовой непрерывной работы, парень пришел в себя. Я осторожно повернул его на спину и укрыл бараньей шкурой.

Под утро я услышал шум арбы и голос погонщика. Я догадался, что хоронить приехали. Вошел первый и снял чалму. Когда подошел поближе и увидел, что я держу его голову на своих коленях, у него глаза полезли на лоб. Он хотел что-то сказать, и все открывал рот. Одел чалму и убежал. После вошли все трое. На лице была улыбка. Потом угнали арбу. А я еще долго лечил парня отварами. Позже проводил в его хижину. Прошло какое-то время.

Я видел этого молодого человека из нашего поселка. Жил он совсем рядом. Было у него два сына и женщина. Разуме-

ется, как звать его не помню, да и неважно. Во сне я увидел его смерть. Что делать? Семья хорошая – загляденье одно. Деточки хорошие. А что будет, если его убьют? Войдите в мое положение. Я знал наперед. Он, так же, как и все, принял присягу.

Не ходить с отрядом, он не мог. А как его семья, дети? А женщина? Она обречена на голод. Два мальчика совсем маленькие. Тогда я метался. Я знал, что еще есть время. Надо не допустить рокового события. Помню, я долго ждал его возле его хижины. Он пришел, и я все ему объяснил.

Любишь своих сыновей и женщину? Хочешь жить? Не ходи. Он стоял как пьяный, все переваривал в своем сознании – “А что я скажу хану?” “Скажи сабля сломалась. Он стоял, как вкопанный, онемел. А я выдернул из ножен саблю, заломил за камень, и сабля лопнула возле ручки. Вот и скажи, что сломана. И больше не покупай ее, корми детей. Я ушел, а он долго стоял еще. Будь что будет, решил я.

После этого события поздно вечером ко мне пришли. У дверей стоял Садык и говорит, что болен мальчик. Я спросил, что с ним? Он сказал весь горячий и бредит. Что нас там ждут и меня проводят, чтобы я не боялся. Я тогда подумал, что если что худое, то я бы знал.

Я взял траву Сульма, хорошо снимала температуру, и вышел. Действительно, возле валунов нас ждали двое неверных. Садык остался, а я пошел за ними. Дорога шла через речку, перескочили по камням. Я давно догадывался, где

находятся неверные. Наконец, пришли. Поселок-гарнизон, был обнесен высокими заборами. И закрыт двумя выступающими скалами.

Вошли в хижину. На топчане лежал мальчик, лет 12, весь мокрый. В хижине ходил старик, лет 60-70, его глаза я где-то видел. Две женщины жарили на огне плов. Я разделся и взялся за дело. Женщине дал сульму и рассказал, как приготовить отвар. Я взял хворост, поджег у камина и стал ходить по хижине, сжигать все негативное.

Потом раздел мальчугана догола и стал водить по спине голый ладонью, от копчика до шеи. Потом все негативное скидывал с рук. Как много негатива соберут руки, я просил старика, и он поливал водой. Возбужденность в теле мальчика прошла. Я его перевернул и укрыл бараньей шкурой, потом уже поил отваром. Женщине наказал, чтобы еще сделала отвар. Мальчуган сразу уснул, ему полегчало.

Пахло жареным мясом и рисом. Я догадался, что меня посадят за стол. Как долго я не сидел за столом! Старик распорядился постелить ковер. Мне предложили сесть. Две женщины были с оголенными лицами и свободно говорили с мужчинами. Одна из них носила грудное дитя и села со мной по левую руку. Все никак не могла скрестить ноги. Я старался не смотреть на нее, ведь по закону шариата запрещалось.

Мне было не по себе. За трапезой я постепенно узнавал его. Еще маленький был, после смерти моей матери. Ко мне в горах подъезжали всадники в черной одежде. В центре был

он с черной бородой, на черной лошади с длинным хвостом. У хана лошади с коротким хвостом.

Помню, как они меня тогда разглядывали. А сейчас он был седой. А глаза те же. Вождь неверных – христианин, Артур. Потом в хижину вошли еще двое, разделись и сели рядом с Артуром. Я его сразу узнал. Лет 10 прошло с тех незабываемых времен, когда мы с ним схлестнулись на этой злощастной тропе.

Он сначала меня не узнал, а потом начал сверлить меня своим взглядом. Потом повернулся к Артуру и что-то шептал. Они вдвоем встали и ушли за тряпочную комнату. А я сидел и молчал, переваривал, что они говорят (оставлю это у себя). Речь шла обо мне. Потом они вернулись, сели, и я прочитал улыбку на лице Артура.

Надо же победил самого Давида. Я понял, что Давид – его сын, и мы с ним где-то ровесники. Беседа длилась всю ночь. Из беседы я понял, еще, когда мои дедушка и бабушка были молоды, там, где крепость, жили христиане и занимались земледелием. Твоего деда я знал. Хан со своими джигитами выгнали всех. Кого поубивали, кого в плен взяли, и женщин, и детей. Кто мог, спаслись.

Ханские лошади беспомощны в горах. Мою мать тогда продали какому-то баю, там-то я и родился.

Потом мы сбежали от него с матерью в город. Позже вернулись в родные места. Бабушку никто не купил, и ее выгнали из крепости за ненадобностью. Разрушенную крепость

строили пленные христиане, закованные в цепи. Я застал то время, когда крепость

достраивали. Картина прояснилась. Я понял, что мои предки христиане. Почему я раньше не догадывался? Помню, что никогда так много не ел. Вечерело, надо было торопиться обратно. Мы

собрались, я еще сказал, что, если мальчику будет хуже, то найдете меня через Садыка.

Мы вышли. Когда дорога подошла к этим валунам у крепости мы остановились. Давид сказал своим друзьям подождать, а меня отвел на 10 метров и повел диалог. Почему ты тогда на тропе не убил меня? мне было трудно ему объяснить. Зачем? Я понял, что он мучился после этого. Потом он перевел разговор на другую тему. Это правда, что ты оживляешь? Я смутился. Сразу все не расскажешь.

Он стоял напротив меня и смотрел в мои глаза, а я в его. Я был чуть выше его. “Я хотел тебя убить, почему же ты не убил меня?” В нем столько было искренности. А потом он говорит: “Я тебе жизнью обязан, будь моим братом”. Вынул кинжал и сделал надрез на руке у себя и у меня. Мы сжали обе руки. Сейчас моя кровь течет у тебя, а твоя у меня. И мы обнялись. Тогда наплыли такие чувства! У меня не было никакой родни, а кровный брат, по тем временам, был сильнее родного.

Уже светало, появились тени. Надо было уходить. Я Давиду говорю, иди, его ждали двое. А сам, прячься за камни, по-

шел к своей хижине, боясь повстречать неугодного встречного. Я тогда переживал за Давида. Как-то ночью Гульнар нащупала шрам на руке. Это кто тебя? Я сказал, что у меня есть кровный брат. Кто покажет такой же шрам на руке и будет моим братом. Она знала эти законы. А я в то время не хотел до времени рассказывать о нем.

Жизнь шла. Один раз я шел и увидел одного старика. Он у нас был (завсклад по-нашему) в совете старейшин. И я увидел, что у него исчезла аура, а значит через 9 дней после исчезновения Ауры,

старик умрет, и никакой врач не поможет. Навстречу мне по тропе шел наш сельчанин, я ему говорю, что старик (звать его забыл) пусть подготовится к своей смерти. Ведь смерть всегда неожиданность. Пусть закончит свои дела. Он стоял и молчал, раскрыв рот. Я ушел от него. У крепости повстречал другого сельчанина и тоже сообщил эту печальную новость. Я тогда думал, как лучше помочь, чтобы человек умер подготовленный. И не ожидал, что болезненно воспримут мою информацию.

Разумеется, старик вскоре умер. А обо мне поползли слухи. Это передавалось по секрету сельчанами. И в мечети ходили слухи обо мне. А тут еще как-то пришел на рынок купить рису. Подошел к прилавку, а продавец, увидев меня, весь дергается, дрожит. Сыплет рис мимо. Я ушел к другому продавцу, помню толстый такой.

Я читал его мысли, он хотел на мне нажать и насыпал

мокрый рис, да еще весы подкрутил. Я своим сознанием стал внушать ему – полей водой свои ноги они же грязные. Он стал выполнять все то, что я ему внушал. Я ушел, а позже он кричал: “Шайтан! шайтан!”

Ползли по поселку слухи обо мне. В это время откуда-то привезли женщину-шаманку. Она должна изгнать шайтана. Навести порчу. (Это читатель знает, как делается, способов много, черная магия.)

Я тогда все ходил возле своей хижины, искал и нашел куклу, затянутую шпагатом и с иглой. Я защитился своими способами. Я носил с собой растения с повышенной энергетикой и вешал у себя в хижине по углам. А мыслями слепил вокруг себя кокон. Впоследствии, я узнал позже, что старуху увезли совсем больную. Позже я стал замечать, что сельчане стали обходить меня, сворачивая на другую тропу, а то и в другую сторону.

На рынке при виде меня закрывали свои лавки. Ребята кидали в меня камнями. И Гульнар проходу не давали из-за меня. Один раз неожиданно за поворотом столкнулся со стариком, деваться ему

некуда, он упал на землю и стал молиться: “Аллахом прошу, не отнимай у меня жизнь”. Я увидел его ауру и говорю ему: “Ты еще долго проживешь” и называю его имя. Дотронулся до плеча, а он весь трясется и шепчет: “Аллах! Аллах!” Я оставил его и ушел.

Помню, как загнав своих баранов, шел к своей хижине.

Меня ждали. Отрядный и все из моего отряда. Старый отрядный к тому времени был убит. Хан поставил нового, более опытного и крепкого на вид. Он перегородил мне дорогу и задал мне вопрос. Почему не ходишь с нами? Ты же присягу давал. Неверных много, они везде караулят нас. Видишь, сколько нас осталось. Помоги нам, тебя духи охраняют.

Я знал его, раньше он много убивал неверных, а сейчас просит помощи. Я тогда сказал ему, что убийцам не помогаю. И пошел от них. А в вдогонку слышу его речь: “Шайтан! Я хану расскажу”. Я махнул в его сторону рукой. Узел надо мной затягивался.

И вот вскоре после этого я в одну из ночей просмотрел этот ужасный сон. Как глухонемое цветное кино. Все понятно. Я знал, что меня свяжут, уведут в крепость. Я все видел во сне, нет смысла писать одно и то же. Все произошло как во сне, до мельчайших подробностей.

Когда я проснулся, то долго повторял события в своем сознании. Тогда я ушел в горы, пасти баранов. Разжег костер и все раздумывал. Сперва думал встретить их с оружием и умереть. Я даже план составил, хотел ждать их ночью и спрыгнуть, и первым ударом убить Нурбека, а там как повезет. Потом передумал. Я бы стал таким же убийцей. Потом думал уйти совсем, но куда и на чем? У меня не было ни мула, ни лошади и денег не было. Да и все равно меня найдут, у хана везде свои люди.

К вечеру я решил полностью смириться со своей участью.

Надо было думать о Гульнар и о своих дочерях, они уже к тому времени были почти на выданье. Да я знал, что смерти как таковой не бывает.

Я ходил тогда и все смотрел на орлов и все завидовал, вот бы заменить тело свое на орлиную. Но время шло, девять дней кончались. Предпоследнюю ночь я не спал, все ждал Нурбека и муллу со стражниками. Утром я подумал, что Бог подарил еще день. И вот в следующую ночь я дождался. Огонь я не гасил и был одетый. Нурбек заскочил с оголенной саблей, за ним стражники и мулла. Он прочитал ханский приговор и вытащил веревку. А я в этот момент посмотрел на саблю, висевшую на стене. Надо было ее продать, хоть после себя деньги оставил бы Гульнар.

Но Нурбек понял меня по-другому. Он подошел к сабле, оголил ее наполовину и сказал: “Ты не достоин этого оружия” и забрал ее. Мне связали руки вперед. И тут выскочила из женской половины Гульнар и вцепилась Нурбеку за волосы, и стала цитировать выдержки из Корана. Я крикнул на нее, чтобы ушла. Со второго раза она послушалась.

Я сам вышел из своей хижины и увидел, что из второй хижины смотрит сквозь шкурьи двери Каха – старуха. Я знал, что завтра днем весь поселок будет знать обо мне. Также, как во сне, я шел в крепость. Также меня в крепости завели в темницу с факелами и развязали. Закрыли тяжелые двери. Я долго привыкал к темноте. На меня прыгали крысы. Днем сквозь маленькое окошко проник свет. Я увидел скелет че-

ловека и его лохмотья. Крысы привыкли к человечине. Возле скелета на стене был высечен крест и выше образ Иисуса Христа с ореолом или нимбом.

Я тогда думал, какая вера! В одну из ночей в окошко крикнули: “Шайтан!” и я узнал голос Гульнар. И кое-как поймал лепешку. И при свете луны я видел, как тень ее фигуры выбегала сквозь ворота. Надо же, не испугалась. Я тогда думал, зачем мертвому лепешка. Сколько я просидел. Не помню. В то утро заголосили трубы, и я слышал гул народа. Потом с шумом открылась дверь и Нурбек со стражниками вошли в камеру. Связали мне руки и повели. Когда я вышел из темницы сразу ослеп. И до ворот ничего не видел. В толпе кричали: “Шайтана ведут”. Издали увидел крест и наскоро

сколоченный трап. Все вокруг было завалено хворостом. Меня довели до трапа и по лестнице завели на трап.

Я осмотрелся. Вокруг трапа стояли стражники и держали оголенные сабли на плече, смотрели на меня. С правой стороны стояли мусульмане в светлых одеждах, в богатых чалмах. А слева от меня наша беднота из нашего поселка, что выше от крепости. Потом взошел Мулла с книгой Коран и стал читать.

В это время я увидел, как стражник останавливает троих путников и говорит, что я вас раньше здесь не видел. Вмешалась старая женщина в парандже и назвала его по имени. Это к нам приехали гости из какого-то поселка, название не помню. “Ты что, мне не веришь? я тебя еще маленького нян-

чила”. И он с недоверием отошел. Путники смешались с толпой.

Потом стали выступать старики из совета старейшин. В заключение каждый произносил: “Смерть шайтану!” И так по очереди. Мне уже было все равно, я уже был психически готов к смерти, я ждал как бы быстрее. Все было спланировано ханом, он как бы отчитывался перед народом. Все было ясно.

Один за другим поднимались старики и говорили: “Шайтан нарушил присягу на верность Аллаху. Смерть Шайтану”. Сквозь толпу я видел, как стражники вели женщину в парандже и подвели к трапу.

Нурбек вошел на трон и начал задавать вопросы этой женщине, она говорила тихо, и Нурбек дублировал ее слова. Так вот, шайтан пришел и сказал, что Аскар умрет. Откуда он это знал? Духи ему сказали. Я догадался, что это женщина Аскара. Сплетни сделали свое дело, она уже пожалела об этом. Она говорила сквозь плач.

Нурбек не унимался. Как можно, человек умер по воле Аллаха, а шайтан ослушался его и оживил человека. Он общался с духами и повинен в смерти. И все закричали: “Смерть Шайтану”. Потом Нурбек стал говорить про меня, что я хороший воин и имел трофеи, и что отряд был непобедим.

С некоторого времени он одел этот вражеский крест – неверных. Но Аллах все милостив и прощает своих отступив-

ших отроков.

Я тогда подумал, надо же, как наигранно. Они так хотят прилюдно сломать Шайтана. И унижить перед своей беднотой. А хан только выиграет. Он и не таких ломал. Все боятся смерть. Если упаду на колени думал я, все мои многолетние труды в Вере будут напрасными.

***

В то время, когда Нурбек ораторствовал, я повернул голову и перед собой в толпе бедноты, увидел образ Давида. Да, сомнений нет. Их было трое. В центре Давид. Капюшон плаща скрывал бороду.

Меня охватил страх за Брата, я специально отвернулся, чтобы не привлекать внимание. Вокруг столько стражников. А Нурбек продолжал. Да, он просит прощения у Аллаха. Рядом стоял мулла и держал книгу Коран. А я, значит, должен упасть и целовать эту книгу. Нурбек повторял, он искупит свою вину в боях, он просит прощения у Аллаха. А я стоял и молчал. И тут Нурбек обошел сзади и стал шептать на ухо: “Встань на колени, я уговорю хана, Ты не будешь ходить в отряде. Лечишь – лечи. Только сейчас упали на колени”.

Он шептал, а на меня смотрели трое неверных христиан, мой брат. Я отрицательно мотал головой. Потом Нурбек дал знак и двое стражников привязали меня к столбу. До брата было метров 10-12. Потом Нурбек дал факел стражнику, чтобы он поджигал. Но стражник отрицательно мотал головой и кинул факел на землю. Я узнал этого человека. Только

как он попал в стражники? Еще мальчиком я играл и купался на речке. И как-то раз, плакала девочка. Ее кукла уплыла по течению, а там пережат. Я сплавал, принес эту куклу и отдал этому мальчику, а мальчик отдал ее девочке, видимо она была ему сестрой. Мальчик сейчас стражник у хана. Годы, года... Факел подобрал старичок и охотно стал поджигать хворост в разных местах. Огонь разгорался, а Нурбек подошел ко мне говорит, что не передумал? Я покачал головой, отказ – я с ним не хотел говорить. Я видел брата, его руки сдерживали по бокам двое его спутников. Это надо видеть. Я тогда думал, скорее, что ли, смерть. И потом донеслось – вой. Это женщины завывали. Нурбек метался. Он последний раз подошел ко мне: “ Не передумал?”, я мотал – нет. И он снял трап, разделяющий навес с хворостом, крестом.

Сперва было много дыма, и я в слезах все мотал и мотал головой, чтобы захватить воздух. Потом стали жечь сапоги, но было терпимо. Нурбек кричал, что “Скоро вы услышите, как воеет Шайтан. Услышите, как из него будут выходить духи”. А я думал, что я вам не предоставлю такой возможности. Огонь усиливался и на мне уже, горела одежда. Я со всей силы крикнул: “Прощай, брат”. Потом крикнул в сторону баев и ханским прислужникам: “А вы еще за меня ответите”. И зажал зубами язык и мотал головой.

Голова горела. Вскоре «Я» настоящий выскочил из тела и стал летать неподвластно притяжению. Я видел, как горело мое тело. Все слышал, только ничего сказать не мог. Я видел,

как женщины таскали какую-то женщину за косы. Она сопротивлялась, паранджа была на земле. Я догадался, что это была женщина Аскара. А таскали ее женщины, у которых я лечил детей и где сейчас моя Гульнар. Беднота стала спешно уходить за угол крепости и с ними ушли спешно трое в капюшонах. Я проводил их до угла. Беднота разошлась, женщина Аскара так и убежала с открытым лицом. Я летел следом за Нурбеком и видел все его действия.

Женщины просили у Нурбека тело мое. Столб-крест вскоре упал, хворост прогорел. Потом какая-то женщина принесла материю. Они вытащили обгоревшее тело и стали скручивать в материю. Голова была белая – череп. Они долго собирали кишки, закрутили все в ткани, подняли и понесли. Я не полетел за ними, я знал, что женщины будут хоронить мое тело. Я следил за Нурбеком. Он словно предчувствовал свою гибель.

Уже вечерело. Они налетели как черные тени. Больше половины сразу погибло от стрел. Христиане работали в паре – лучник и сабельный боец. Некоторые стражники пытались убежать, но стрелы догоняли их. Вот и один залез в шиповник и корчится, в спине стрела. К Нурбеку подскочило трое неверных. Один из них выбил своей саблей его саблю, а двое проткнули брюшную полость. Сабля вылетела из рук Нурбека, щит тоже.

Я узнал Давида. Один хотел добить, но Давид сказал, видимо не надо, пусть помучается. Давид махнул в сторону во-

рот, и они устремились в крепость, там был Хан. Нурбек сидел на камнях, чалма упала с его головы, рядом лежали его сабля и щит. Руками он держал живот. Вся одежда была в красной жидкости. Сквозь пальцы сочилась кровь. Он что-то кричал. Я догадался: “Шайтан, Шайтан”. Прошло немного времени. Потом он упал, и руки его тряслись.

***

Я полетел в крепость. На первом и втором ярусе я видел много трупов в разных позах. Наверху тот, что трубил и звал на помощь, лежал со стрелой в груди. На втором ярусе лежали разрубленные тела. Я искал брата и боялся за него.

Из дверей выбегали женщины в парандже и металась с плачем. Это наложницы Хана. Христиане не трогали их. Черная пантера убежала через ворота. Я пролетел сквозь двери и при свете факелов видел трупы нукеров. Дверь к Хану была открыта. Он лежал вниз головой с раскинутыми руками. Золотой плащ и чалма были в крови. Запомнились руки, они были все в перстнях.

Я тогда подумал, все же дед Садык отомстил за дочь. Я вылетел из крепости. Лошадей ханских уже не было. Стало понятно, что христиане забрали их, оставили в живых только пленников из темницы, и ушли в горы. Я рад, что не пришли на помощь наши сельчане, беднота. Все же, поумнели. Только воины нашего поселка могли отстоять крепость. Они были проворнее. А стражники давно ожирели, да и опыта не было. Стало совсем темно. Бог говорит:

“Пора”. И потянул все выше и выше. А после я притянулся к матовой Луне и был суд. Но это личное.

ЕВРОПА

В четвертом моем воплощении, меня опять ждала планета Земля. Государство под вопросом. Скорее Финляндия или Швеция, или Норвегии, а может одна из прибалтийских стран. Помню, что буквы английские. Рыбацкий поселок у берега моря. Большая лагуна. Стояли большие трехмачтовые и одномачтовые фрегаты. Родился я в семье у пекаря. Мама моя была пекарем, а отца не было и не могло быть, так же как в прошлых воплощениях.

Где-то до 4 лет она уделяла мне внимание. Но вскоре у нее появился этот горбоносый мужчина, и она стала надолго пропадать где-то. А я бегал вдоль берега и кормился тем, что выбросит море.

Поселился он у нас дома. Я не буду описывать жилище. Амбар, коровник, сеновал, веранду – все у меня в памяти осталось. Этот горбоносый меня не любил, все унижал. То ущипнет, то ставит шелбоны, а напьется, гоняет мать и скандалит. Вскоре у меня появилась сестра. Мама все свое внимание уделяла своей дочери, ну и он тоже.

Я убегал ночевать на сеновал или в амбар. А после – в рыбацких перевернутых лодках. Была тогда рыболовецкая артель. Много бродяжничал. Когда пришла пора идти в школу, меня выловили и отправили. Учился плохо, все получал

указкой по лбу от этого монаха – учитель был монах. Учили молитвы, писать, считать.

Где-то в это время у меня появился хороший друг. Звать не помню, как, и свое имя забыл. Помню, уединялись в укромном месте возле моря и, смотря на водную даль, мечтали построить корабль и уплыть на необитаемый остров. Но жизнь преподнесла свои планы и свои сюрпризы.

Мы построили с ним баркас с одномачтовым парусом и обосновали один островок, замыкавший лагуну. На островке устроили табор, обзавелись снастями и рыбачили.

Рыбу продавали. Школа кончилась, и я пошел работать на конный парк. Помню расположение конюшен, кузню, сеновал. Склад овса. Ремонтный цех, где ремонтировали и делали телеги.

Работа была проста. Взять свою лошадь, запрячь ее и на причал. А там грузчики грузили мешки, бочки или ящики и везли это в город (название забыл). В городе сдать по накладной в магазин. Работа тяжелая, все на ногах и допоздна. А вечером ехали с другом на рыбалку, где стояли сети, и ночевали на острове. А утром проверяли снасти и снова шли на работу. К стойлу, где ждет твоя кормилица лошадь.

Где-то в 17 лет друг и я стали строить дом. В то время строили одинаковые, похожие друг на друга дома. К 20 годам у меня было жилище. Я сам построил дом, собрал печь. Из плах сделал стол и лавки, и кровать деревянную. Была керосиновая лампа. В одно время с другом отпраздновали ново-

селье. Я у него, а потом он у меня. Друг работал, где шла разделка древесины, а кем не помню. Стояли разные станки, и было много задействовано лошадей. Они что-то крутили, может лебедки, может, таскали бревна.

Где-то в 27 лет женился мой друг. После венчания в церкви было застолье. Я от него не ушел далеко, тоже оженили. Мне предложили и рассказали кто она, из какой семьи, и что хочет с моей семьей породниться (имеется в виду моя мать с отчимом и сестрой). В то время не знали, что отец мне не родной, это скрывалось.

***

Я носил фамилию своего отчима по документам, чтобы не скомпрометировать мою мать. Так вот, мне сообщили, что она тоже согласна. Все было оговорено. По сути дела, я не был с ней знаком, с другой стороны – не было времени для знакомства. Вся жизнь в суете, все бы успеть. Так же, как и у друга, было венчание. Потом

была гулянка в моей хижине. Звать ее не помню. Худенькая, с соломенными, как у меня, волосами. С острым, вздернутым носиком, со светлыми, круглыми, впалыми глазами. Работала она прачкой и часто приносила работу на дом. Стирала и гладила. А мы с другом ездили, рыбачили. Море кормило нас. В корзине приносили домой рыбу. На работе мало платили. После этого моя жена понесла и родила сына. После года – еще маленького сына. Пришлось ночью самому принимать роды. Сказался прошлый опыт. В пещере плаценту

сжигал, а тут унес и закопал. Как назвал – тоже забыл, только помню созвучие имен Тилька и Пинка. Так я прожил до 40 лет примерно. Сыновьям было по 15-17 лет.

События, которые хотелось подробнее описать. В церковь я, разумеется, не ходил. Да и некогда было, все дела срочные. С другом плавал на рыбалку, было много с ним общего, нераздельного – с детства сдружились.

В Бога я, в принципе, и не верил, даже с женой был у меня скандал. Икона в хате висела, как было положено в то время. Входящий всегда снимал свой головной убор и крестился. Так было принято – обычаем. Не было бы иконы, и никто бы не пришел.

Сестра моя вышла замуж и жила недалеко, в его доме. У нее были дочь и сын. Я часто приносил рыбу. На мужа она никогда не жаловалась, в общем, была довольна жизнью.

Первым умер мой отчим. Сестра сообщила об этом, я на похороны не ходил. И получал упреки от сельчан. А мне было трудно объяснить им в то время. Позже умерла моя мать. Мать долго болела. Я хоронил ее – брал лошадь в своем конном парке, позже сделал деревянную оградку и крест.

Вот после этих событий я видел сон, что иду по поселку и захожу в знакомую хижину, и уже в комнате вижу гроб, а в нем, в костюме, своего друга. И как носил гроб и ходил на кладбище, и после кладбища хотел за столом сказать что-то и не смог, убежал, и сон пропал.

После этого сна я ходил сам не свой. Находили плохие

мысли, вот друг умрет – тебе все достанется, кто-то явно разговаривал со мной, покупал меня. Я знал, девять дней и сон сбудется в явь. Я страшно переживал. И вот вечером я отправился к его дому. Когда подходил к дому у двери веранды меня остановили и говорили сверху, на ухо: “Вот друг умрет – тебе все достанется”.

Я крутил головой и ничего не понимал. В Бога, разумеется, не верил. Не находя ответа, я повернул обратно. Через несколько дней я узнал от своих сельчан, что мой друг на работе чем-то убился. В то время и не трудно, при такой примитивной механизации получить увечья. Я тогда и не вдался в подробности, как это произошло.

Поразил меня сон. Помню, когда я услышал это, то сразу вспомнил этот сон. Сельчанин что поведал мне о смерти, простоял передо мной, и ушел. Помню, как я вошел в его хижину, все совпадало: и комната, и место, где стоял гроб, и костюм с рубашкой, цвет. Все совпадало. Когда был вынос, гроб взял на то плечо, что и во сне. После были поминки. Был стол и лавки, сняли шапки и, перекрестившись, сели за стол. Пили настойку на дрожжах (брагу).

Слегка охмелев, пришлось говорить, а говорить я не смог. В горле застрял ком. В глазах слезы, я выскочил и убежал. Начала давить совесть, я не знал, куда деться, с кем поделиться, друга не было. Я тогда запил и надолго. Продал баркас и снасти. Продал все, что можно было продать. Я получил стресс, депрессию, и не хотел жить. Хотел повеситься.

Жена кричит: “Я тебе повешусь. Что скажут сельчане, сыновья? всех нас опозоришь перед людьми и перед Богом. Иди и молись!”.

Да еще в одну из ночей пришел ко мне во сне друг и тянет меня к себе, иди, подойди. А я все ухожу от него, а он, на тебе, передо

мною. Я просыпаюсь, весь мокрый, а мне на ухо говорят: “Божья кара!”

Вибрация во всем теле и камень на сердце. Я к иконе и все прошу: “Сними камень с сердца”. Икона настойчиво молчит, а я бью лбом об пол, не помогает. Тогда я что-то продал, купил браги и пошел на кладбище. Сел возле могилы и начал с ним разговаривать, не знаю, сколько выпил. Только светало.

Тут то, я вспомнил, что где-то давным-давно в прошлой жизни, я хотел убить свое тело саблей – упасть на живот и проткнуть свое тело. Вспомнил свою женщину – Гульнар, своих дочерей. Аскара. Нурбека. И своего кровного брата. И как сгорел на кресте и ушел к Богу.

Вспомнил, как разговаривал с Богом на Луне. Пошел домой, и все окончательно воспроизвел в своем сознании. У моей жены был родственник. Я ему все рассказал про друга, и он принес литературу. Я много читал. Знал старый и новый Завет. Знал псалтырь, все молитвы выучил и часто по ночам стоял у иконы и просил прощения у Бога, до утра.

В молитвах прошу Бога простить, что продал друга. А на ухо кто-то говорит: “А за мать? “ Я говорю, прости за мать.

“А за отца?” Я говорю, прости за отца. “А за неумытую свинью?” “И я вспомнил, как на рыбалке, не совсем трезвый, обозвал друга этим словом. Я молился – прости, прости, прости – весь в слезах.

И он на ухо говорит: “Ну, ладно. С этого дня 40 дней не ешь, и ложись спать”. Я послушался. 40 дней я не ел, лежал на топчане, возле окна и читал, по ночам молился. И вот один раз ночью Он при молитве говорит: “Скоро прозреешь”.

Это случилось днем. Я куда-то шел, вдоль моря была дорога. С другой стороны стояли постройки: рынок, булочная, пивная, скорняжная, магазин, керосиновая лавка, церковь и контора моряков. Не знаю, как точно это состояние передать. Вот, я иду. И

что-то у меня лопнуло у меня в голове. Небо стало розовым. Люди стали ходить скелетами, а на голове матовая шапка. На копчике, вроде хвостика, свищ. Шла на встречу женщина, я увидел все ее внутренности, и мне стало дурно.

Я стоял и смотрел – кошки и собаки бегают с матовыми шапочками. Я шел и отворачивался от людей. Сзади по плечу меня кто-то похлопал. Я повернулся. Передо мной стоял человек, мой дальний родственник. Он весело мне что-то рассказывал. Я стою и узнаю только его голос. Передо мной стоял покойник. Челюсть открывалась. Тело было черным, шапки-невидимки не было на голове, а это говорило о том, что чакры погасли, астрал затух, соответственно, тело не го-

рело. Через несколько дней, жена скажет, что этот родственник умер. Так вот, я со страха, убежал от него. По поселку ходил, избегая людей.

Пришел в свою хижину, уже темно было. Только зашел в дверь, и почувствовал плохие мысли, исходящие от жены. Я зажал уши пальцами и все держал. Как она меня ругала. А потом смотрю, на нее, а она ничего не говорит. Я понял, что слушаю ее мысли. Телепатический слух. Присмотрелся, а в комнате много нечистого.

Всех взял и выгнал в двери. В конце бегал матовый шарик и говорит: “Я же домовой, зачем ты меня выгоняешь?” Жена говорит: “Домовенка не выгоняй”, и я послушался.

Позже я свыкся со своим положением. Помню свое первое испытание. Пришла моя жена и знакомая ее. Страшно смотреть на женщину, вся запуганная. Говорит: “Я уже не могу, я устала, он меня замучил”. Я не понял – кто? “Да этот Рогатый, приходит, спать не дает, давит”. Жена говорит мне, чтобы я шел и помог этой женщине. Ну, я и пошел к ней. Возле хижины она остановилась, говорит: “Боюсь». Я вошел в хижину. Посередине стоял стол, направо вешалка, за ней шел умывальник, и между ними было расстояние. Я держал крест, что заставлял носить Бог, так же, как и в прошлых воплощениях, только сейчас носил мантию. И вот, я прошел в комнату и увидел его.

Это была астральная сущность. Сначала он был неболь-

шой, до лавки не доставал, как бы висел. Весь лохматый, в шерсти. Только пузо без шерсти, круглый пяточок. Голова козлиная с рогами, рот с клыками и козлиной бородой. Уши большие, острые на кончиках. Руки лохматые. Пятипалые. Ноги с копытами. И я подумал вот кто насильовал ее. Взял крест и пошел на него. А он затрясся весь и стал большой. Идет на меня, руки вперед выпустил, головой трясет.

Я попятился и стал читать молитвы. А сам задом пятился вокруг стола. Читаю, а он за мной ходит. Сколько уже молитв прочитал, а он все агрессивнее. А потом думаю; что я ему все молитвы читаю, что обычно просят у Бога? И говорю сущности: “Сгинь, нечистая сила”. И оно сразу уменьшилось в росте. Я, осмелев, пошел на него.

Потом смотрю – он опять стал расти, больше и больше. И до меня дошло, “Сгинь, нечистая сила, а чистая останься, прибудь со мной”. И я пошел, читая, на него. Он все меньше и меньше, я зажал

в угол его, и он выскользнул в дверь, в щель, и исчез. Я осмотрел всю хижину, все чисто. И со спокойной душой, вышел.

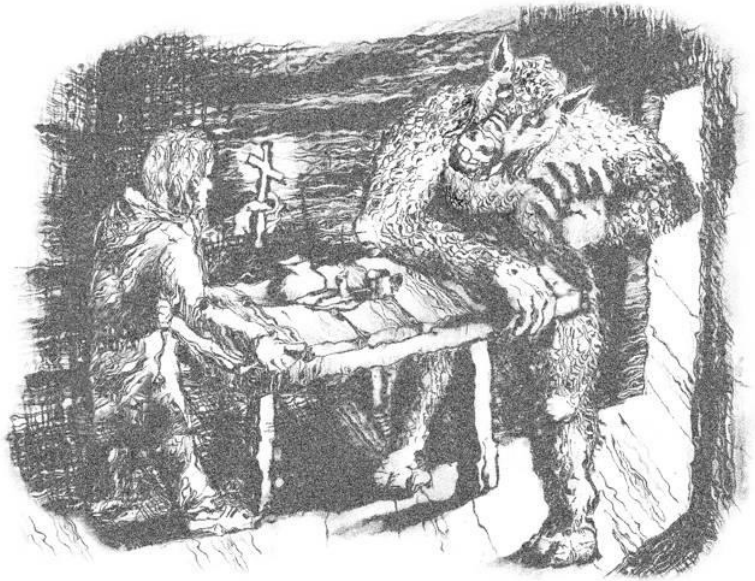

Рис. Нурпеисов О.С.

Сущности ни в хижине, ни во дворе нигде не было. Хозяйка стояла в страхе, глаза умоляющие. Я провел ее в хижину и говорю, что сегодня будешь спать спокойно. Не бойся, я выгнал его. Пришел домой и увидел свою полку, где лежали книги церковные. Я взял и выкинул их все на улицу.

Позже у меня было второе испытание. Ко мне пришел старик лет 60 и говорит, что сын захворал. Я пришел к нему в хижину. Он завел меня в маленькую комнату, дверь с занавеской. Лежал юноша. Я раздел его и положил на живот. Ко-

гда просматривал все внутренности, заметил, что лепестки чакр 4-6-10-12-16 все закрыты. Я стал, как в прошлом воплощении (я все помню), с самого копчика – Муладхары-чакры, руками закачивать энергию. Когда начали зажигаться чакры, то юноша соскочил и неожиданно выскочил из комнаты. Я не ожидал этого и отец, видимо, тоже. Он просто испугался, увидев меня с закрытыми глазами и руками, которыми я водил над ним.

Был такой случай. В церковный праздник все в поселке шли в церковь. И я собрался. Когда пришел, то молебен уже начался. У крыльца снял головной убор, перекрестившись, вошел в церковь. Церковь была без потолка. Только балки связывали стены. Крыша узкая и очень высокая. На верху деревянного купола крест.

Я встал возле двери. И обратил внимание на человека, стоящего впереди меня. На его голове сидела, так сказать чернь и, воткнув свой клюв в его голову, сосала энергию. Вот вампир. Потом я посмотрел на остальных и увидел, как почти все носят на голове этих вампиров (чернь). Откуда они взялись? Я поднял голову и увидел, как чернь слетела сверху и села на человека.

Что вся крыша усеяна этой чернью. Они висели вниз головой. Клюв очень тонкий и длинный, на конце расширен в виде воронки. Угловатые крылья с перепонками. Лапками держались за балки крыши поперечины. Их было очень много. Только я вошел, как несколько тварей полетело в мою сторо-

ну. Я выскочил из Церкви, все скидывал их с головы. Дома я жене сказал, чтобы не ходила больше в церковь и детей не водила. Все ходил и смотрел за чистотой своего жилища.

Один раз ночью пришел Бог и сказал, чтобы я спал отдельно: “Я буду приходить к тебе”.

Я, видимо, и прописался на этой лавке у окна, возле иконы. Один раз, под утро пришел Бог и говорит, сходи к такому-то человеку и скажи, чтобы он не ходил никуда до такого-то времени. Я выполнил просьбу Бога. Я сказал ему не ходи сегодня, никуда сиди дома, а то умрешь, Бог велел. От себя сказал: “Не ходи в церковь, там нечисто, молись дома”. Показал на икону. Он так и стоял с открытым ртом. Я покинул хижину этого человека. Человек этот остался живой.

Еще был случай. Также пришли ко мне за помощью, и я пошел. В хижину входил один, хозяев просил покинуть жилище. В хижине тоже была сущность, такая же лохматая, только рога витые, с большими кошачьими глазами. Креста нечисть боится. Так же читал: “Сгинь нечистая сила, чистая останься”. Выскакивают они как пуля. Хозяева в знак благодарности давали продукты: картофель, сало, лук, чеснок, капусту, яйца. Обычно хозяйка с узелком ждала у двери. Деньги не брал, да и Бог запретил это.

Один раз, помню, пришел ко мне вечером мужчина и говорит, что сын упал и надо посмотреть его. Я пошел. Мальчику было 7-10 лет. Хозяева вышли из хижины. Я сел и начал осматривать его. Раздел по пояс, рассматривал его ске-

лет, все косточки, все суставы. В плечевом суставе косточка выскочила из шарнира. Мальчик стоял спиной ко мне, надо было его развернуть. Я, разумеется, развернул и стал рассматривать третьим глазом, закрыв свои два глаза, так лучше видно. Как он выскользнул из рук? Я его поймал у дверей. Привел обратно и сказал, чтобы не шевелился. Косточку оттянул и вставил обратно, сустав заработал. Я одел мальчугана и веревочкой привязал руку. Когда вышли из хижины, ждали его родители. Она с узелком. Мальчуган с ходу рассказал, что я с закрытыми глазами видел и руку поправил. Продал меня. Мужчина долго стоял с разинутым ртом. Я уловил его мысли – как это? Еще без глаз? До сознания еще не дошло.

***

Как-то ночью пришел Бог и сзади, на ухо говорит, (а я все хотел посмотреть Его и поворачиваю голову), а Он: “Не верти головой – ослепнешь”. Напугал. “К тебе придут за помощью, не отказывайся, а я тебе помогу, дам тебе Божий огонь”. Я тогда подумал – попробуй, не пойдешь. Я всегда чувствовал его взгляд, я знал, что он за мной наблюдает. Это не объяснить. И точно, пришли люди, в глазах столько тревоги, запуганности, просьбы. Я не ждал и стал одеваться. Я заранее знал. Когда подошли к хижине, то возле нее толпился народ. Я подошел и все сникли.

Я зашел в хижину один. Как и у всех – посередине печь. На потолке балки прокинуты из бревен, а сверху не обрезные

доски, не встык, а внахлест. Третья доска закрывала щель. Доски не струганные. Обычно белили известью. Я осмотрелся, закрыл два глаза. Так и есть. Чернь висела на потолке, и их было очень много. Некоторые перелетали с места на место.

Мне неведомая сила подняла правую руку и всучила вонючку. Из нее летел сиреневый огонь. Это и был Божий огонь. Я ходил по хижине и сжигал чернь на стенах и потолке. Она падала на пол неподвижно. Я ходил по комнатам, вокруг печки. Все искал чернь и сжигал ее. И вот ее не стало, и огонь из рук исчез. Когда вышел из хижины, то хозяйке наказал, чтобы вымыла пол два раза, вся чернь на полу, и воду унесла далеко. И наказал всем, чтобы в церковь не ходили, всю чернь носите оттуда. Со мной соглашались. Дали мне узел, что пришлось нести двумя руками.

Один раз помню, чистил хижину. Так же хозяйке говорил, чтобы мыла пол и не ходила в церковь. А в руках у нее огромный живой гусь. Я ей еще говорю: “Что я буду с ним делать, как нести?” Так и было – гусь вырвался у меня и побежал с раскрытыми крыльями. Мне пришлось падать, чтобы поймать его. После дождя упал в грязь. Но принес его. Не знаю, не помню, что с ним сделали. Почти каждый вечер ходил, чистил. Бог давал огонь и забирал. Люди не знали об этом.

Когда я ходил по городу, то людей различал по сущностям. К примеру, встречаешь человека, а у него на голове рог (однорогий). Были и двурогие (трех, пяти, десяти). Одного

видел – рог не на голове, а на лбу. Были люди, которые ходили с чертями в животе. Смотришь на него, а в животе черт прыгает. Я так думаю, что с какими мыслями живет человек, те астральные сущности находятся в нем или рядом присутствуют. Попадались с червями, жуками, клещами в животе. Разумеется, они сами этого не знали и не видели. Был такой прохожий с больной печенью. Печень была полная астральными червями, видимо пил много. Некоторые ходили с грязной аурой. Видел также людей со смещенной астральной оболочкой. И узнавал их по этим особенностям.

Часто ходил мимо церкви. Крыльцо было внутри ограды и видно было, что за оградой бегали свиньи в грязи по пояс, куры, гуси. Загон с кроликами. Лошади, были и коровы. Я знал, что люди несут паству (хлеб), а монахи кормят скотину, свиней. И мне это было неприятно. Я даже кличку им дал – фарисей.

***

Ходил на работу. С работы мимо церкви. Люди, видя меня, крестились. Вскоре стал замечать, что монахи избегают меня. Специально переходят дорогу, чтобы со мной не встречаться. Носили шапки конусные – острием вверх с нарисованным крестом. Мантия до пяток. Чем-то я им не угодил. Я ходил также к вдовам, чистил квартиры, лечил детей. Ничего, разумеется, с них не брал. У многих женщин мужья погибли, утонули в море. Уплыли в море и не приплыли.

Помню такие моменты с моего детства. Стоит на берегу

женщина на ветру и ждет чего-то. Вдалеке, увидев парус, надеется, что это муж плывет к ней. Радио, телеграфа, почты раньше не было. Много женщин – вдов было в поселке. Я это знал и помогал им, сочувствовал. Рыбацкая артель к тому времени развалилась, на берегу гнили баркасы. В лагуну подходили многомачтовые суда и стояли на якоре со свернутыми парусами. К берегу не подходили. Мелкие суда стояли возле причала. Были и гондолы с обрезанной кормой, двухпалубные суда. Все это осталось в памяти. Да и сам я вырос у моря и мечтал все с другом путешествовать на корабле, и ходить в другие моря и страны.

Вот, как раз в это время, в одну из ночей, я видел сон. К моей хижине подъезжает летучка (лошадь, запряженная в тележку в одну ось, с капюшоном). В то время я уже был маленький начальник, вроде бригадира, и распоряжался кучерами, давал определенную работу. К примеру, по заявкам в магазин, на причал, на рынок, на лесозаготовку и т.д. Так вот, во сне мне показали, что подъехала летучка и кучер в ней молодой, и мне передают, что надо ехать в город. Я иду, сажусь и летучка поехала.

А дорога шла через лес, узкая, проселочная. Подъезжая к лесу, я замечаю, что к нам бегут молодые монахи и у них в руках колы. Я все понял и кричу кучеру: “Быстрее, быстрее, летучка быстрая, ускачем”. Но кучер, нет, чтобы хлестать лошадь, натянул вожжи, и мы остановились. Монахи стащили

меня с телеги, и давай бить. Кучер смотрел и потворствовал этому. Потом я видел все красное, красное. Я понял, что меня убили во сне. А сон через 9 дней сбудется.

События не стали ждать, все совпало. Ко мне приехал работник нашего конезавода и сказал, что меня ждут в городе, и что он специально взял летучку. Я из дверей увидел этого молодого парня и узнал его. Я наотрез отказался ехать в город. Пришлось парню уехать без меня. На следующий день я уволил этого парня, а принял другого работника, лет сорока. Посадил кучером на летучку. Мужчина был согласен и рад, потому как работы в поселке было мало. Я видел, как он с удовольствием запрягал жеребца. А этому парню сказал, что больше в конном парке ему не работать. Оказалось, что его брат служит в церкви.

***

Вскоре, когда я спал, ночью меня разбудил Бог. Я сел на лавку, а он говорит мне, что надвигается шторм и будет сильный ветер, до самых праздников церковных (я забыл, каких, тогда я знал какой это праздник). И вот, вечером я собрался и пошел. Я знал, где искать моряков. Обычно в Пивной лавке на окраине поселка. Я вышел из хижин и что-то вспомнил. Пришел в хижину и из-под дивана вытащил чемодан. Взял тельняшку и одел ее. Когда одел мантию и крест, то долго поправлялся перед зеркалом, чтобы моряки видели тельняшку, что душа у меня морская. Я дошел до ларька и был рад, что Бог возложил на меня эту миссию.

Я тогда в бары не заходил и не пил пиво, по многим причинам. А тут! Перед входом я снял головной убор и перекрестился. Крыльцо было в сторону ограды. Я поднялся и зашел. Справа была стойка, и бармен наливал в деревянные кружки с ободком пиво. Я зашел, был гул. Кто-то о чем-то спорил, разговоры, а тут все стихло. Я понял, что все взоры пали на меня.

За столиками сидели матросы. Я осмотрелся и у окна увидел боцмана, на груди свисток. Он сидел в центре стола, а вокруг его команда. Я подошел к нему, встал напротив стола и начал речь. Говорю, что сегодня ночью ко мне пришел Бог и сказал, что я должен вам передать, чтобы вы не выходили в море, будет шторм, продлится до церковного праздника. И сказал, чтобы всем судам передали это – Бог сообщил, и я перекрестился.

Моряки внимательно выслушали, у боцмана выпала трубка изо рта. Я повернулся и пальцем пригрозил – Бог велел, всем передайте. И ушел. После этого я специально ходил по истечении девяти дней. Море было черное. Волны разбивались об причал. Я успокоено пошел к своей хижине и думал, что люди все же будут верить в Бога. В то время я ходил на работу по определенному маршруту.

Путь свой я срезал напрямую, на конный парк шла тропа. С левой стороны высокий забор, доски кверху, а справа, склады земляные, кажется. И было, в принципе, безлюдно. Однажды я проходил и видел, как за мной молодой монах

наблюдает. А мысли его читаю, недобрые.

***

И вот, ночью вижу сон, что иду по тропе на работу между забором и складом, сзади был удар, и все залито кровью. Утром я встал, и все думал, кто это мог сделать. Я знал, что через девять дней сон сбудется. И я стал ходить по центральной улице, огибая весь поселок, к конному парку. Видимо, монахи ждали меня и не дождались, что привело их к недомению.

В церковь никто из прихожан не ходил. Разумеется, и прибыли не было. Я им мешал. Ходил и чистил жилища, наказывал не ходить в церковь, там нечисто. В хижине у себя молитесь. Бог в нас самих, и к каждому приходит. Говорю: “Читайте Библию. Христос сказал, что Храм Божий – это, человек”.

Помню, сколько по поселку ходил, не находил той хаты, чтобы я не чистил. Сами люди были бога-боязливы. Помню, как возле рынка женщина била по губам сынишку. Я мысленно понял, что пацан выразился обо мне как-то плохо. Женщина стала его поучать и грозить ремнем, если скажет что-то плохо против Бога.

Далее, вскоре церковь сгорела. Говорят, что по поселку бегали животные и птицы. Сгорела дотла, ночью, шел дождь. Остальные постройки не пострадали. Так и не знаю, может сами монахи подожгли, а может кто из сельчан. Так и осталось загадкой.

Помню еще один эпизод в моей жизни. Ко мне пришел один человек с узелком (с продуктами) и пожаловался на поясницу. Я его принял. Он разделся. Я часто принимал пациентов, а тут сам был удивлен. Когда я стал медитировать, то моя энергия из рук стала отталкиваться от его тела. Я никак не мог настроить это. Обычно, при прикосновении, видишь фиолетовое пламя. А тут полное отторжение. Человек с отрицательной энергией. Не с плюсом, а с минусом. Я его отпустил, извинился, что ничего не могу сделать, узелок не взял. Сам расстроился.

***

Однажды ночью я посмотрел сон, который дал мне возможность задуматься. Во сне я видел молодую девицу, и я, повинуясь, хотя жена и не соглашалась, пошел в какую-то хижину на окраине. Там буду спасать молодого юнца и почему-то убегу от него. И уже в своей хижине умру. Вскоре буду видеть свое тело в гробу.

Я все переживал и анализировал этот сон. Я знал, что сон через 9 дней сбудется. А тут жена напомнила, что придут за помощью. К этим (фамилия семьи) ты не ходи, у них ничего нет, с них ничего не возьмешь. Я тогда подумал, а как же Бог? Как я ему объясню, чем буду мотивировать? Потом не отмоешься от позора.

Не прошло и недели, ко мне пришла молодая девица, в полушалке, худенькая, глаза в тревоге. Ветхое одеяние и просьба в глазах. Речь шла о родном ее брате. Он уже совсем пло-

хой, не узнает никого: “Придите, помогите ему, он давно с постели не встает”. А жена моя ходит из угла в угол. Какие-то плохие отношения были у нее с этой семьей, сейчас не помню. Так вот, она просит, умоляет, ждет моего ответа. А в сенях два моих сына недоброжелательно относятся к этой девице (что-то вроде попреков).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.